

все устроила. Она понюхала укусовой соли и, опустивъ глаза, сказала:

— А сегодня у насъ новость, Никодимъ Павловичъ...

— Мамап!

— Отчего же не сказать?—спросила Варвара Тихоновна, переводя глаза на падчерицу.

— Кажется, я просила васъ!

Варвара Тихоновна замолчала. Никодимъ Павловичъ улыбнулся лѣнивой улыбкой.

— Въ чемъ дѣло? Я другъ дома — я имѣю право знать. Куплено Пчелкѣ новое платье? Да?

— Ну, не совсѣмъ такъ. .

Федоръ Игнатьичъ пытливо смотрѣлъ на Прягина съ веселой усмѣшкой губъ.

— Никодимъ Павловичъ, вы, конечно, всегда желали добра Раисѣ...—начала Варвара Тихоновна.

— Да, да... А что?

— Вообще... я не понимаю, почему не сказать Никодиму Павловичу? Онъ одобритъ; я въ этомъ не сомнѣваюсь!

— Ну, говорите, не мучьте меня! Раиса уѣзжаетъ?

— О, нѣтъ!

— Я женюсь на Раисѣ, Никодимъ Павловичъ! — сказалъ Гранковский.

— На комъ?—переспросилъ Прягинъ сердито.

— Да вотъ на Пчелкѣ, какъ вы ее называете.

— Это шутка,—замѣтилъ Прягинъ и поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, Никодимъ Павловичъ, дѣйствительно, Федоръ Игнатьичъ сдѣлалъ предложеніе; а такъ какъ Раиса его любитъ, то я дала свое согласіе.

Дѣвушка убѣжала. Ей стало досадно до слезъ, что рассказали ея тайну. Варвара Тихоновна слегка растерянно улыбалась, потомъ достала платокъ и поднесла его къ глазамъ. Прягинъ сидѣлъ все блѣдный и серьезный.

— Вотъ оно что! — промолвилъ онъ. — Конечно, Федоръ Игнатьичъ прекрасный человѣкъ, молодой, образованный, богатый, добрый—полагаю, что слова эти онъ не приметъ за лесть—но все-таки какъ же можно выдавать замужъ бѣдную Пчелку? Она ребенокъ душой и тѣломъ!

— Не говорите такъ, Никодимъ Павловичъ,—возразила полная дама:—душой она совсѣмъ не ребенокъ!

— Раиса Николаевна, можно къ вамъ!? — крикнулъ Гранковский и, не ожидая приглашенія, вошелъ въ комнату дѣвушки. —